Сергей Алексашенко

РУССКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО

ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

Книга профессионала

Сергей Алексашенко

Русское экономическое чудо: что пошло не так?

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Алексашенко С. В.

Русское экономическое чудо: что пошло не так? /
С. В. Алексашенко — «Издательство АСТ», 2019 — (Книга профессионала)

ISBN 978-5-17-110856-4

Сергей Алексашенко создавал экономическую систему новой России. Поэтому его экспертное мнение не только интересно, к нему нужно прислушиваться, анализировать, а лучше – использовать его как руководство к действию.
Эта книга посвящена анализу различных аспектов экономической ситуации в новейшей России. Автор показывает читателю ясную картину того, что происходит в стране. А поскольку тексты, вошедшие в книгу, были написаны в разные годы, мы можем в реальном времени наблюдать за всеми процессами, событиями и изменениями в политико-экономической жизни, а также за изменениями позиции автора. Книга написана в фирменном для С. Алексашенко стиле – четко, с железной логикой, стройной аргументацией и присущей автору легкой иронией.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-110856-4

© Алексашенко С. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Анатомия и физиология современной России 6
I 8
Экономика России к началу эпохи “после Путина” 8
Российское экономическое чудо: а было ли оно? 8
Кризисное “похмелье” 9
Экономика России в базовом сценарии 11
Сценарий Б: самоизоляция 15
Сценарий В: смена вех 16
Заметки на ходу 18
Заметки на ходу, продолжение 20
Плохой хороший год 22
Экономика оказалась устойчивой 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Сергей Владимирович Алексашенко
Русское экономическое чудо: что пошло не так?

За всё тебя благодарю!

© С. Алексашенко, текст
© А. Бондаренко, оформление
© С. Бунтман, предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

Анатомия и физиология современной России

Путинская Россия – чрезвычайно запутанный организм. Это только на государственных телеканалах она кажется простой, открытой и не лишенной монументального изящества. Белоснежной медведицей, охраняющей своих медвежат от кровожадных охотников. Но что же там внутри? Как работают жизненно важные органы? Да и где они, эти органы, располагаются? Можно сказать, что вскрытие покажет, но тогда будет слишком поздно. “Обратитесь к специалисту”, – советует в таких случаях медицинская реклама. Вот и обратимся к книге Сергея Алексашенко. Читая ее, мы обнаружим, что в организме современной России мозг, сердце, печень и селезенка располагаются самым причудливым образом, да и функционируют они не совсем так, как предусмотрено законами здорового образа государственной жизни. Экономика не вполне экономика, суд не совсем суд, правительство всерьез не правит, а средства массовой информации не столько информируют мозг, сколько дают ему ложные, хоть и приятные сигналы.

Сергей Алексашенко эту книгу намеренно не писал, в том смысле, что не пытался сесть за научный письменный стол и последовательно изложить экономическую, финансовую, государственную и общественную историю России за последние несколько лет. Нет, это публикации и выступления, синхронные событиям, сгрупированные по крупным темам, и только. Никакой капитальной правки и “подгонки под ответ”. Думаю, что автору не нужна сомнительная слава безошибочного провидца.

Сергей Алексашенко – вообще такой человек. Задаешь ему вопрос: умный, глупый, общий, частный – и он, прежде чем дать ответ, собранно и ясно опишет ситуацию, к вопросу твоему относящуюся, покажет, как отделить главное от второстепенного, и только тогда попробует сделать вывод. Честный эксперт – так это называется. Что, вообще-то, тавтология. Один историк сказал, что эксперт – это тот специалист, у которого взорвется мозг, если он соврет. Ошибаться может. Врать – нет.

Если вернуться к образу странного российского организма, можно заключить, что книга Сергея Алексашенко представляет собой анатомический атлас нашей страны с описанием ее физиологии. По прочтении вырисовывается диагноз, подробный и, увы, неутешительный. А каков же курс лечения? Есть ли еще возможность поправить дела, не убив при этом то здоровое, что в организме остается? Или нам остается только впасть в тревожную спячку и дожидаться, пока все само по себе не устроится? Ну, или как сиюминутный стиль поведения – стать частью аномального организма и ни о чем не думать.

Первое, что предлагает автор, – как раз думать. Второе – знать, что никакая аномалия не вечна. Третье и главное – сообща и разумно конструировать наше общее будущее. Если не стонать и не умиляться собственному убожеству (оно же – “величие”, при взгляде с другой стороны), можно сделать очень много. Подрастает и крепнет поколение, для которого свобода и знание – естественная среда. Щелкнув пальцами, оно может выудить из океана реального и виртуального миров любую информацию, быстро обработать ее и почти мгновенно распространить. Это новое поколение. А “старые” еще совсем не безнадежны и тоже способные узнавать, обобщать, передавать. Никакие судорожные запреты, Великие китайские/российские/корейские стены не остановят информационную революцию. Наша страна, при всей ее современной аномальности, никуда от мира не убежит.

И еще одну важную вещь нам нужно помнить, начиная читать эту книгу. Сергей Алексашенко не чудо-доктор, не инопланетянин и даже не иностранец. Он полноправная часть, здоровая клетка нашего российского организма. Когда мы перевернем последнюю страницу, уверен, что таких клеток станет еще больше, чем сейчас.

Сергей Бунтман

первый заместитель главного редактора радиостанции “Эхо Москвы”

I
Анализ ситуации 2014–2018 гг

Экономика России к началу эпохи “после Путина” 2014

Экономика – механизм чрезвычайно инерционный. Эффект даже самых сильных потрясений может сказываться через несколько месяцев, а результаты принятых властями решений, изменений в законодательстве, в методах и принципах регулирования могут проявляться через несколько лет. Это заставляет с особой осторожностью относиться к сценарному прогнозированию: если применительно к политическим процессам можно идентифицировать некие развилки, которые приводят к принципиально различным сценариям, то в прогнозировании экономических процессов даже радикально отличающиеся друг от друга сценарии будут развиваться под воздействием инерции предыдущих лет, силы накопленных трендов, а также внешних (для экономики) предпосылок. И никакая власть не может на них повлиять в кратко- или даже среднесрочной перспективе.

Для данного сценарного упражнения – Россия на пути к 2025 году – в качестве базового условия выбрана гипотеза о том, что в 2018 году Владимир Путин будет переизбран на очередной президентский срок и, таким образом, останется в Кремле как минимум до 2028-го. Экономическая ситуация в России в этом базовом сценарии будет развиваться инерционно, без радикальных изменений в экономической политике, но одновременно будут набирать силу новые внешние (по отношению к экономике, но не к России) факторы, которые уже сегодня отчетливо видны, но чье воздействие на экономику пока не очень ощутимо. Для того чтобы получить представление о механизмах развития такого сценария, необходимо совершить краткий экскурс в экономическую историю России начиная с 1999 года. Это позволит зафиксировать движущие силы экономического роста до кризиса 2008-го и причины его замедления в 2011–2014-м, а также определить характерные элементы экономической политики Владимира Путина.

В качестве отклонений от базового сценария вкратце будут рассмотрены два варианта: 1) “новая холодная война” как следствие российской политики в отношении Украины; основными факторами этой войны станут экономические санкции со стороны Запада и попытка российского руководства обеспечить развитие с опорой на собственные силы, и 2) “смена вех”, в ходе которой российское руководство (независимо от личностей) примерно в середине прогнозного периода осознает глубину экономических проблем и начнет заниматься их решением.

Российское экономическое чудо: а было ли оно?

Десятилетний период, с конца осени 1998-го до середины 2008 года, вполне можно рассматривать как “русское экономическое чудо” – средние темпы роста экономики в этот период составили примерно 7 % в год, что очень много по мировым меркам. Но для того, чтобы России удалось “зацепиться” за такие темпы, нужно, чтобы у экономической динамики был мощный двигатель роста, опирающийся на сочетание природно-географических, политических и экономических факторов. Однако уже к 2010–2011 годам стало понятно, что удержать семипроцентный рост экономика России не может, и это позволяет утверждать, что в первом десяти-

летии XXI века никаких рецептов быстрого роста политическому руководству страны найти не удалось. Посекторный анализ экономической динамики России в это десятилетие показывает, что период быстрого экономического роста не был однородным: в разные периоды времени его определяли разные факторы, которые сменялись, а временами наслаивались друг на друга.

– 1999–2001 – рост обусловлен резкой девальвацией рубля во время кризиса 1998-го, которая повысила конкурентоспособность российских товаров, в первую очередь продуктов неглубокой переработки сырья и потребительских товаров. Действие этого фактора оказалось исчерпанным к середине 2001-го;

– 1999–2004 – стабильность прав собственности и основных правил игры в экономике привели к резкому росту инвестиций и эффективности частных компаний в экспортно-ориентированных сырьевых секторах. Производство нефти в физическом выражении в это время выросло на 50 %, металлов – на 30–35 % (для сравнения: производство газа в этот период увеличилось всего на 10 %). Действие этого фактора в основном было исчерпано к середине 2004-го под влиянием “дела ЮКОСа”;

– 2002–2005 – быстрый рост нефтяных цен на мировом рынке и запоздалое (лишь в конце 2008-го) повышение налоговой нагрузки на нефтяной сектор привело к формированию существенных финансовых ресурсов у частных компаний, которые частично были направлены на цели развития;

– 2005–2008 – быстрый рост внешней задолженности корпоративного и банковского сектора привел к перегреву экономики; практически весь рост был сконцентрирован в неторгуемых секторах (финансы, строительство, операции с недвижимостью).

Таким образом, надо признать, что основной причиной десятилетия бурного роста была не экономическая политика президента Путина, а наследие так нелюбимых им реформ 90-х годов и внешние факторы.

Кризисное “похмелье”

Существует распространенная точка зрения, что кризис 2008-го пришел в Россию извне, а никаких внутренних предпосылок для кризиса в России в тот момент не было. Хотя самый мощный за последние 80 лет мировой экономический кризис, разумеется, оказал сильнейшее воздействие на экономику большинства стран мира, включая Россию, тем не менее указанная точка зрения не имеет под собой оснований. Конечно, события лета-осени 2008 года, когда финансовый шторм рушил один за другим крупнейшие американские финансовые институты и, в конечном итоге, привел к параличу мировой банковской системы, сыграли крайне негативную роль и спровоцировали многие негативные для российской экономики тенденции и процессы. Но нельзя не отметить, что к этому кризису экономика России подошла “беременной кризисом”; к лету 2008-го в ней сформировались болевые точки, которые на горизонте двух-трех лет должны были стать причиной кризисных явлений. По крайней мере, об этом говорит опыт многих развивающихся стран, попадавших в аналогичные ситуации. Такими болевыми точками были:

1) перегрев экономики с признаками “голландской болезни”, которая росла исключительно за счет неконкурентных секторов (главным образом, строительство, операции с недвижимостью и финансовый сектор). Если в 2006–2007-м многие эксперты отрицали наличие и

перегрева, и голландской болезни, то к началу кризиса это стало общей позицией в оценке ситуации. Даже правительственные чиновники признавали некоторые признаки перегрева. Опыт мировой экономической истории утверждает, что бескризисный выход из состояния перегрева – крайне редкое явление;

2) резкое ослабление платежного баланса; положительное сальдо текущих операций удавалось поддерживать исключительно за счет быстрорастущих нефтяных цен. Экспертная оценка говорит о том, что границей устойчивости платежного баланса России является величина положительного сальдо счета текущих операций (СТО) в размере 0,5–1 % ВВП. Традиционно, когда величина СТО опускалась ниже этого уровня, российская валюта резко ослабевала. Так было в 1997–1998 годах, так случилось и в 2008 м[1];

3) быстрое наращивание внешнего долга корпоративным и банковским секторами[2], который с начала 2005 года прирастал на 100–120 млрд долл. ежегодно. Самым опасным для экономики был даже не размер совокупного долга, накопленного к моменту кризиса (долг был относительно невелик – 508 млрд долл., менее 32 % ВВП), а то, что примерно треть его подлежала погашению в течение полутора лет: с третьего квартала 2008 года по четвертый квартал 2008-го. Можно говорить, что в 2008-м произошло определенное дежавю: повторение кризиса 1998 года, только не с государственным долгом, а с корпоративным. Стратегия внешних заимствований российских банков и компаний была построена не на точном расчете эффективности собственной деятельности, что позволило бы генерировать положительный финансовый поток, достаточный для обслуживания долга, а на логике рефинансирования “короткий долг – длинный долг – продажа акций”. В результате банки и компании стали заложниками конъюнктуры финансовых рынков. Опыт многих развивающихся стран (Мексика в м, Корея, Таиланд, Индонезия в 1997-м, Турция в 200 м) свидетельствует о том, что рано или поздно наступает “точка насыщения”, когда инвесторы считают, что дальнейшее кредитование становится слишком рискованным, и прекращают давать новые займы, требуя, однако, погашения старых;

4) Центральному банку России не удалось создать нормально функционирующую систему банковского надзора. Банк России не только оказался не в состоянии адекватно оценивать риски банковской системы в целом или отдельных банков[3], но и не смог отследить банальные случаи разворовывания активов, например в Связь-Банке, банке “Электроника” или Межпромбанке. Российские банки пренебрегли всеми разумными ограничениями в своей деятельности и, уверовав в тенденцию постоянного укрепления российского рубля, взяли на себя несоразмерные валютные риски. По оценкам Банка России, незастрахововованная открытая валютная позиция российских банков (несовпадение их обязательств и активов) к осени 2008 года составила примерно 130 млрд долл.[4], что соответствовало величине капитала банковской системы. Такая ситуация означает, что 10 %-ная девальвация рубля немедленно приводила к потерям банковской системы в размере 13 млрд долл., при том, что вся прибыль российской банковской системы за три квартала 2008-го составляла 354 млрд рублей (14 млрд долл. по курсу на начало октября 2008-го).

---

[1] Так случилось и в 2013–2014 годах.

[2] http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_maturity. htm&pid=svs&sid=vdRF_fisp

[3] Например, Глобэкс-банк, который за счет краткосрочных депозитов населения финансировал долгосрочные девелоперские проекты своего собственника; или банк КИТ-Финанс, который на заемные средства организовал массированную скупку акций телекоммуникационных компаний.

[4] *См.:* Выступление первого заместителя председателя Банка России Алексея Улюкаева на XVII Российском банковском форуме, организованном Институтом Адама Смита в Лондоне в ноябредекабре 2010 г.

Кризис 2008–2009 годов оказался чрезвычайно разрушительным для российской экономики. Ее падение от точки максимума (середина 2008-го) до точки минимума (конец первого квартала 2008-го) составило 10 %. Был разрушен механизм докризисного роста, восстановление было крайне медленным и опиралось исключительно на финансовые вливания государства (частный бизнес и банки занимались реструктуризацией долгов и не могли инвестировать в развитие значимые объемы ресурсов). Докризисного уровня российская экономика достигла только в конце 2011 года, то есть на преодоление последствий кризиса ей понадобилось 13 кварталов.

Экономика России в базовом сценарии

К моменту выхода из кризиса стало понятно, что на дальнейшее сохранение исключительно благоприятной внешней среды (продолжение роста сырьевых цен, наращивание корпоративного внешнего долга) российской экономике рассчитывать не приходится, а приходится рассчитывать лишь на “внутренний” потенциал[5].

Ключевой вопрос для прогноза может звучать так: есть ли основания ожидать, что наблюдаемые сегодня негативные процессы в экономике будут постепенно набирать силу и со временем перерастут в экономическую катастрофу, что создаст предпосылки для резкого ослабления режима и возможной его смены? Вкратце ответ на него звучит следующим образом: каркас российской экономики чрезвычайно устойчив. В базовом сценарии к концу прогнозного периода “Россия на пути к 2025” экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его. Аргументация выглядит следующим образом:

1. Любая экономика является внутренне устойчивым организмом, и разрушить эту устойчивость не очень просто. Устойчивость российской экономики повышается в силу ее примитивной структуры. Так, 85 % экспорта – сырье и продукты его первичной переработки (67 % – углеводороды). Понятно, что в растущей мировой экономике спрос на сырье будут сохраняться. Замедление экономического роста в Китае и его переход на режим снижающегося ресурсопотребления на протяжении прогнозного периода будет компенсироваться нарастанием спроса на первичные ресурсы в Индии и Африке. Следовательно, российские сырьевики будут ресурсы добывать и до определенной степени перерабатывать (в том числе и за счет освоения новых месторождений в Восточной Сибири, для чего потребуются масштабные точечные инвестиции); транспортники будут его перемещать (по железной дороге или трубопроводам), банкиры обслуживать финансовые потоки, связисты обеспечивать связь и т. д. В силу высокой зависимости российской экономики от импорта будет работать вся система экспортно-импортной торговли и логистики. Будет работать ОПК, которому выделены громадные финансовые ресурсы, бюджетный сектор, строительство жилья, пищевая промышленность. Все это составляет каркас российской экономики, и этот каркас чрезвычайно устойчив. Конечно, его состояние будет зависеть от внешней конъюнктуры, но было бы неправильно ожидать, что на десятилетнем горизонте произойдет более чем один глобальный кризис (который будет и слабее, и короче кризиса 2007–2009 годов).

2. Зависимость российской экономики и, что более важно, федерального бюджета от мировых цен на нефть крайне велика. Но пока не видно причин для сильного (25 % и более)

[5] Эта статья была написана весной 2014 г. после аннексии Крыма, когда вооруженный конфликт на востоке Украины еще только начинался и российские войска в нем не участвовали.

и долгосрочного снижения мировых цен на нефть[6]. Набор аргументов в пользу этой позиции достаточно убедителен[7]:

– страны ОПЕК (Саудовская Аравия) уже подогнали свои бюджетные расходы к текущим уровням цен и сегодня, скорее, готовы двигаться в сторону снижения добычи, чем наращивать ее с одновременным снижением цен;

– Россия не может нарастить добычу нефти, но вряд ли пойдет и на ее сокращение. Последнее возможно только в случае, если страны Запада объявят бойкот российской нефти, а глобальным компаниям запретят технологическое сотрудничество с нефтяной отраслью России (но это выходит за рамки базового сценария);

– влияние сланцевого газа на десятилетнем горизонте будет слабым. В Европе его добыча в значимых объемах не начнется (может быть, за исключением Великобритании, но это будет компенсировать спад добычи газа в Северном море). Импорт газа из Америки будет ограниченным, так как это немедленно приведет к росту цен на газ в США, что подорвет экономику многих инвестиционных проектов;

– в мире пока не существует экономически оправданных технологий, позволяющих отказаться от двигателя внутреннего сгорания в автомобиле, которые находились бы на стадии внедрения. А автомобильный транспорт потребляет примерно 50 % производимой в мире нефти. Хотя технологические усовершенствования позволят снизить потребление бензина современными автомобилями[8], рост уровня жизни в развивающихся странах будет способствовать росту автомобилизации, и тем самым указанное снижение будет компенсировано.

3. Важным трендом развития нефтегазовой отрасли России станет постепенное истощение крупных, хорошо освоенных месторождений Западной Сибири и перемещение добычи в Восточную Сибирь и на северный шельф. Согласно прогнозным оценкам Минэнерго, к 2025 году примерно четверть российской нефти будет добываться в новых регионах (менее 5 % сегодня). Поскольку освоение и разработка новых месторождений являются существенно более дорогими, то российское правительство пошло на снижение (и временами отказ от взимания) экспортной пошлины при экспорте нефти с этих месторождений. Если предположить, что в среднем снижение экспортной пошлины составит 50 %, то это приведет к снижению доходов федерального бюджета примерно на 5–7 % (при прочих равных условиях)[9].

4. Напряжение в бюджетной системе России постепенно будет нарастать. Резкое замедление роста экономики приведет к крайне медленному росту или стагнации доходов бюджетной системы в реальном выражении. Уже сегодня для того, чтобы уложиться в заданные бюджетные ограничения, российским властям приходится идти на сокращение инвестиционных расходов и активно прибегать к использованию несистемных источников (конфискация пенсионных сбережений 2014-го, использование средств Фонда национального благосостояния) или к откровенному эмиссионному финансированию со стороны Банка России (кредитование

---

[6] Краткосрочные снижения цен на нефть бюджет компенсирует Резервным фондом и девальвацией рубля. глядя из будущего: именно так случилось в 2015–2016 гг.

[7] Глядя из будущего: я много раз говорил о том, что прогнозировать цены на нефть – вещь неблагодарная, но не удержался и выдал свой прогноз за полгода до того, как цены на “черное золото” начали стремительно снижаться в августе 2014 г. Перечитывая свой текст, я понимаю, что не слишком опирался на высокие нефтяные цены в своем прогнозе, скорее, хотел сказать, что не стану в базовом сценарии прогнозировать экономический кризис, связанный с их падением (что, в принципе, правильно для долгосрочного прогноза), и что производство и экспорт углеводородов будут удерживать весь каркас экономики России как минимум в ближайшие 15–20 лет.

[8] Не стоит забывать, что средний возраст автомобильного парка, например, в США составляет 11,4 года, то есть для получения полномасштабного эффекта от новых технологий потребуется не менее 6–7 лет.

[9] Скорее всего, в силу соглашений о создании Таможенного союза России придется пойти на резкое снижение размера экспортной пошлины или на полную ее отмену, но очевидно, что в таком случае российские власти создадут альтернативный механизм налогообложения нефтяной отрасли, который как минимум не приведет к снижению доходов бюджета.

ВЭБа, кредитование банков под залог долгосрочных кредитных договоров). При планировании бюджетов 2013–2015 годов Минфин России активно сдвигал расходы по финансированию многих обещаний Владимира Путина («~майские указы»), сроки которых не были жестко привязаны к периоду 2016–2018 годов, что неизбежно будет вести к росту давления на расходную часть бюджета. В рамках базового сценария можно предположить, что начиная с 2017–2018-го дефицит федерального бюджета России будет медленно расти (например, на 0,3 % ВВП в год) и к 2025 году достигнет 3–4 % ВВП. Это вряд ли приведет к быстрому росту госдолга, так как дефицит будет финансироваться главным образом за счет внутренних источников и, следовательно, обесцениваться из-за текущей инфляции.

5. Финансовое положение регионов будет ухудшаться быстрее, так как их доходы в большей мере зависят от внутренней конъюнктуры (налог на прибыль, подоходный налог), но при этом регионы не способны повлиять на налоговые ставки или изменить базу налогообложения[10]. С другой стороны, регионы будут вынуждены наращивать расходы или изменять их структуру, так как именно на них в значительной мере возложены обязательства по выполнению “майских указов” Владимира Путина. Представляется, что постепенно регионы сократят до минимума свои инвестиционные проекты и продолжат наращивание долгов. В рамках выстроенной вертикали власти Минфину России придется все активнее брать на себя дополнительные функции по контролю за бюджетами регионов и в конечном итоге также и ответственность за их расходы[11]. Постепенно бюджетная конструкция будет все отчетливее трансформироваться из федеративной в унитарную. Впрочем, этот процесс начался еще в 2003-м под руководством тогдашнего министра финансов Алексея Кудрина.

6. На рассматриваемом горизонте самую серьезную угрозу устойчивости экономики создает инфляционно-девальвационная спираль. С лета 2008-го российская экономика начала ощущать постепенное исчезновение нефтяной подушки безопасности – курс рубля (к бивалютной корзине) начал потихоньку снижаться. К лету 2013-го этот запас прочности исчез совсем, и снижение курса рубля ускорилось. Как только население осознало этот факт, люди начали конвертировать свои сбережения в валюту: наличность – активнее, депозиты – помедленнее. С января 2014 года ослабление курса рубля стало сказываться на инфляции примерно с коэффициентом 0,1. Судя по всему, в ближайшие годы трендовое ослабление рубля (которое будет обеспечивать устойчивость платежного баланса при умеренных – до 50 млрд долл. в год – продажах валюты Центральным банком) составит 12–15 % в год[12]. Такая девальвация будет постепенно разогревать инфляцию, которая к 2018-му может превысить 10 % в год, а к 2025-му – 20 %.

7. Нет оснований утверждать, что российское население будет остро и активно реагировать на рост инфляции – такого не было в течение последних двадцати лет, хотя в социологических опросах респонденты часто называли рост цен в числе главных проблем. Да, уровень жизни значительной части населения перестанет расти, что приведет к снижению рейтингов поддержки политических лидеров, но это вряд ли отразится на электоральных результатах. Последние поправки в избирательное законодательство однозначно говорят о том, что россий-

---

[10] Введение налога на недвижимость, который может укрепить доходы регионов, тормозится неготовностью налоговых правил и незавершенной работой по созданию глобального реестра недвижимости.

[11] http://www.vedomosti.ru/opinion/ news/26510851/devalvaciya-ukazov

[12] У девальвации рубля есть побочный положительный (для бюджета) эффект: в 2013 г. 50 % доходов федерального бюджета были привязаны к долларовой цене на нефть, а еще 13 % доходов составляли НДС и акцизы на импорт, также имеющие под собой валютное основание. Это означает, что 10%ная девальвация рубля (при прочих равных условиях) ведет к росту доходов федерального бюджета на 5–6 %.

ская власть приняла решение не допустить скольлибо серьезной потери позиций ни на федеральном, ни на региональном уровне. Иными словами, никакой реальной политической конкуренции на выборах здесь не будет.

8. Инфляционно-девальвационная спираль будет влиять на экономику через ослабление устойчивости банковской системы, которой придется брать на себя все большие объемы рисков. Постоянная девальвация либо (А) сделает рублевые депозиты непривлекательными для населения, и банки должны будут привлекать валюту, но выдавать кредиты экономике в рублях, либо (В) сделает рублевые кредиты очень дорогими для экономики, что подорвет финансовые механизмы поддержки экономического роста[13].

9. Серьезнейшей проблемой российской экономики в прогнозном и постпрогнозном периоде (безотносительно к политическому режиму и проводимой политике) является демография. Все прогнозы говорят о грядущем резком снижении численности рабочей силы, которую не сможет компенсировать приток мигрантов из Средней Азии[14]. В теории Россия могла бы преодолеть негативный эффект (сокращение рабочей силы плюс относительный рост численности неработающего населения) за счет повышения производительности труда, но этот сценарий требует масштабных инвестиций. Между тем при нынешнем качестве инвестиционного климата и нынешнем уровне защиты прав собственности и контрактного права привлечение масштабных инвестиций крайне маловероятно. Соответственно, в отсутствие значимых инвестиций в России будет работать обратная зависимость: для того чтобы поддерживать нынешние масштабы экономической деятельности, потребуется как минимум сохранять стабильную численность рабочей силы[15]. Если же (независимо от причин) России не удастся удерживать объем рабочей силы на стабильном уровне, это станет действенным фактором снижения темпов экономического роста.

10. Нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы будет толкать бизнес к повышению зарплат для удержания работников. (Кроме того, бизнесу придется реагировать на то, что бюджет время от времени будет инициировать гонку зарплат.) Это приведет к повышению удельных расходов экономики на рабочую силу, что в свою очередь снизит инвестиционную привлекательность. Получается своеобразный заколдованный круг, из которого трудно вырваться любому правительству, а тем более такому популистскому, как путинское.

11. Демографические ограничения сами по себе не будут создавать угрозы режиму в экономике: они будут сдерживать рост, содействовать разогреву инфляционного давления, противодействовать появлению высокотехнологичных отраслей. Но не более того.

12. В целом, базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов, нарастающие бюджетные проблемы, рост инфляции и перманентно слабеющий рубль. Неготовность Владимира Путина идти на серьезные политические реформы, связанные с восстановлением вер-

---

[13] С точки зрения устойчивости платежного баланса и давления на курс рубля значимым фактором (помимо счета текущих операций), безусловно, является интенсивность оттока капитала из России. Для базового сценария мы исходим из ее “нормальной” величины, а повышенный отток капитала будет являться элементом пессимистического сценария Б.

[14] С одной стороны, и в этих регионах ресурсы рабочей силы не безграничны, это – не Китай. С другой стороны, приезжающие в Россию работники существенную часть своих заработков отправляют на родину, что снижает потребление внутри России и давит на платежный баланс. Кроме того, не будучи вовлеченными в систему уплаты налогов, они будут создавать “бюджетные ножницы”: относительное падение доходов бюджета и рост спроса на бюджетные услуги (образование и здравоохранение).

[15] Или же добиваться ее роста (в силу более низкого профессионального качества иностранных работников).

ховенства права и созданием независимой судебной системы, будет главным препятствием на пути улучшения инвестиционного климата в стране. Без этого российская экономика не сможет рассчитывать на устойчивый рост инвестиций и в результате будет все больше отставать и по уровню развития, и по качеству жизни населения не только от развитых, но и от стран-конкурентов. Хотя все эти экономические процессы будут крайне неприятны для властей, в базовом сценарии количество не переходит в качество и экономическая ситуация не доходит до критической. Перевести негативные процессы в кризисные могут какие-то триггеры. Такими триггерами могут стать решения властей более активно использовать административные рычаги регулирования экономики, к числу которых относится, например, введение контроля над ценами или масштабные ограничения на использование депозитов (запрет на досрочное снятие), а также политические изменения в стране (смена лидера) или внешние факторы.

Сценарий Б: самоизоляция

В рамках данного сценария предполагается рост напряженности в политических отношениях с Западом, что, с одной стороны, будет вести к постепенному углублению и расширению экономических санкций против России, а с другой стороны, к ее постепенной самоизоляции от мировой экономики в соответствии с решениями политического руководства. Россия занимает слишком большую долю на мировых сырьевых рынках, и даже в среднесрочной перспективе закрыть ей дорогу к потребителям будет невозможно – мировой спрос на сырье не может резко сократиться. Если европейский рынок окажется закрыт для российских компаний, они будут объективно переключаться на поиск потребителей в Азии (Китай и Индия) и Африке. Очевидно, что переключение на новые рынки сбыта не может пройти одномоментно, и российская экономика должна будет пойти на временное снижение объемов производства, на рост транзакционных издержек и на снижение экспортных цен (как это происходит в случае с Ираном, который живет под санкциями уже несколько лет и предоставляет Китаю 20–25–32 %-ные скидки к цене на нефть). Самыми болезненными для России станут финансовые санкции (запрет для западных банков на обслуживание счетов российских банков и запрет на страхование и перестрахование российских рисков). В сегодняшнем мире есть две глобальные валюты – доллар и евро, которые обслуживают основную долю мировой торговли. В случае введения финансовых санкций российские банки утратят возможность использовать мировые валюты второго уровня – Великобритании, Швейцарии, Канады, Австралии и т. д. Это означает, что им придется выстраивать сложные и дорогие финансово-логистические схемы с использованием китайского юаня, индийской рупии, бразильского реала, что приведет к существенному удорожанию российского импорта и еще более разогреет инфляцию. Высокий уровень санкций против России, который рассматривается в рамках данного сценария, может привести к запрету на экспорт в Россию запасных частей и комплектующих для ранее проданных товаров (промышленное оборудование и потребительские товары). Результатом станет постепенное обветшание и промышленных мощностей, и домашнего оборудования, и автомобильного парка. Представляется, что сильный негативный эффект от такого сценария может наступить не ранее, чем через пять лет после начала его реализации. Однако на протяжении этого периода отток капитала из России резко усилится, годовые объемы продаж валюты Банком России могут составлять до 100 млрд долл., что быстро приведет к их исчерпанию[16].

[16] Глядя из будущего: на самом деле Банк России фактически исчерпал свои валютные резервы к весне 20-го. Сначала, с лета 2013 по осень 2014 г., Банк России после прихода на пост председателя Э. Набиуллиной потратил около 100 млрд. долларов на поддержку курса рубля при быстро ослабевавшем платежном балансе, а потом потратил еще такую же сумму в период острой фазы валютного кризиса (ноябрь 2014 – март 2015 гг.). После введения первой волны западных санкций против России и начала вооруженного конфликта на востоке Украины Банк России осознал угрозу возможного усиления санкций и

После этого самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка. Российские власти должны будут принять решение о принудительной конвертации валютных депозитов и кредитов в рублевые[17], об ограничении свободы обмена рублей на иностранные валюты, а также ввести рационирование (распределение) поступающих в экономику валютных ресурсов. Это будет подталкивать российский бизнес к еще более интенсивному выводу капитала из страны (уже в основном в полулегальных формах), а наиболее активную часть населения к трудовой эмиграции в Восточную Европу. Столкнувшись с этим, власти могут начать масштабную юридическую или фактическую национализацию сырьевых компаний. Российские банки и компании, которые активно занимали средства на внешних рынках, в массовом порядке объявят дефолт по своим долгам, что окончательно изолирует финансовую систему России от мировой.

В результате такого развития событий негативные тренды, которые существуют в базовом сценарии (инфляция, девальвация, дефицит квалифицированной рабочей силы), будут развиваться с существенно более высокой скоростью; экономика будет устойчиво сокращаться, уровень жизни населения – снижаться. В таком сценарии к 2025 году Россия окончательно выйдет из категории развивающихся стран. Наиболее близкими историческими аналогиями для нее в долгосрочной перспективе станут, в лучшем случае, Аргентина XX века (то есть экономика страны будет топтаться на одном уровне, со слабой тенденцией к росту, заметно более медленному, чем у сопоставимых стран) или Заир/Зимбабве. При наихудшем развитии событий экономика страны рискует потерять 20–30 % в течение 15–20 лет. Однако и в этом сценарии негативные экономические процессы могут привести к политическим переменам в пределах нашего прогнозного периода только в случае появления сильнодействующих триггеров.

Сценарий B: смена вех

В рамках данного сценария можно предположить, что в середине прогнозного периода (2018–2019 годы) в России происходят серьезные политические изменения (мы не обсуждаем ни их причин, ни механизмов, ни форм реализации). Эти изменения приводят к тому, что власть начинает реагировать на накопившиеся экономические проблемы и радикально меняет экономическую политику. Очевидно, что эти изменения могут быть направлены как на усиление административного контроля за экономикой, так и на постепенное преодоление коренных причин нынешнего положения дел. Первый вариант будет толкать Россию в сторону сценария “Самоизоляция”, поэтому его описание можно не повторять. Второй – может создать основу для иного развития событий. Попробуем пофантазировать на эту тему. Итак, в рамках новой политико-экономической парадигмы российские власти[18]:

– решительно реформируют судебную систему с целью придания ей независимости: происходит пересмотр наиболее резонансных дел, виновные в злоупотреблении правом и в давлении на суд несут наказание; происходит очищение системы от судей, которые скомпрометировали себя; создается верховная апелляционная инстанция с привлечением иностранных судей, которая вправе пересматривать решения российских судов, вплоть до принятия решений о реституции собственности; на работу в судебную систему привлекаются свежие кадры;

убедил президента Путина в том, что необходимо прекратить валютные интервенции для поддержки курса рубля и перейти к политике плавающего курса. И тактически (с точки зрения сохранения валютных резервов), и стратегически (с точки зрения повышения гибкости и устойчивости экономики) это было абсолютно правильное решение.

[17] Глядя из будущего: возможность именно такого сценария озвучил в сентябре 2018 г. президент банка ВТБ Андрей Костин.

[18] Перечень ключевых шагов заведомо является неполным, и каждый желающий может его расширить, последовательность перечисления ключевых шагов не является отражением каких-либо приоритетов.

– реформируется система правоохранительных органов с целью создания системы правоприменения и равенства всех перед законом: уничтожаются все ее части, выполнявшие функции политической полиции, проходит тотальная антикоррупционная проверка руководящего звена этих органов на федеральном, региональном и местном уровнях с рассмотрением даже анонимных заявлений; из системы увольняются те, кто участвовал в политических процессах или в рейдерско-рэкетирских операциях;

– замораживаются активы “новых олигархов”, и проводится расследование истории их возникновения. В случае выявления признаков коррупции эти активы конфискуются в пользу государства и передаются в собственность Пенсионного фонда;

– происходит резкое снижение административного регулирования бизнеса со стороны государства и массированная приватизация государственной собственности;

– создается должность независимого прокурора по борьбе с коррупцией;

– проходят досрочные выборы в Государственную думу, к которым не допускаются те лица, которые голосовали за принятие наиболее одиозных законов. Резко ослабляются ограничения для участия партий в выборах;

– восстанавливаются федеративные основы государства: меняется избирательное законодательство, президент теряет право назначения и снятия губернаторов, отменяется система муниципальных фильтров; пересматривается распределение налогов и расходных обязательств между уровнями власти; восстанавливается система бюджетного федерализма, основанная на законодательных принципах предоставления межбюджетных трансфертов;

– резко ослабляются ограничения на участие иностранного капитала в российской экономике.

Такой набор шагов, конечно, не может быть реализован в течение одного месяца и не способен привести к резкому улучшению экономической ситуации в стране. Но для инвестиционного климата важны и политические намерения, и последовательность движения в объявленном направлении. В результате через два-три года российская экономика начинает ощущать новые жизненные силы и постепенно преодолевать накопленные негативные тренды.

* * *

Как и к любой другой попытке сценарного прогнозирования ко всему изложенному выше нужно относиться с полным пониманием того, что в распоряжении автора нет никакой “машины времени” или магического зеркала, которые могут помочь ему заглянуть в будущее. Свою задачу автор видел в том, чтобы выделить те тренды, которые сформировались в российской экономике к настоящему времени. Кроме того, предпринята попытка определить те ограничения, в рамках которых будут действовать российские власти, и обратить внимание на ключевые внешние (по отношению к действиям властей) факторы, которые будут оказывать существенное воздействие на развитие экономики, и на этой основе продлить действие выявленных трендов на прогнозный период. Автор не является сторонником апокалиптических прогнозов, в которых на коротком промежутке времени происходят сначала катастрофы, а затем преодоление их последствий. Для этого пришлось бы какимто образом преодолеть инерционность экономики, в которой принимаемые сегодня решения могут давать результат лишь через два-три года. Это потребовало бы не только найти рецепты политических и институциональных реформ в России (верховенство права, защита прав собственности, федеративное государство, система разделения властей и политических сдержек и противовесов), но и понять, кто, когда и почему может стать их движущими силами. Одним словом, все сказанное выше является лишь пищей для размышлений.

Заметки на ходу
2017

На основе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда построил вот такой интересный график – как росли страны после кризиса 2008 года?

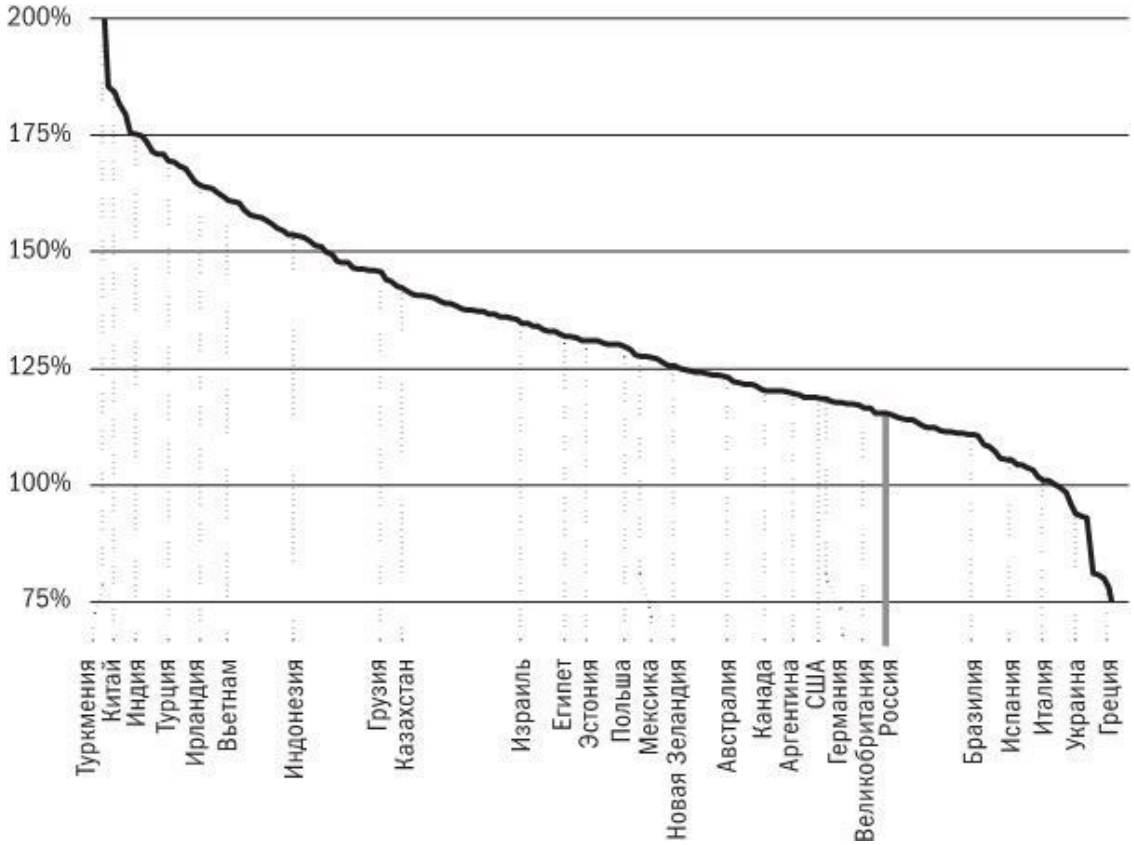

График 1.
Рост ВВП в разных странах мира за 2009–2018 гг., 2009 г. =100%

Понятно, что ситуация у всех разная, и кто-то тот кризис не заметил вовсе, а кто-то “залетел” как следует. Но для сравнения взял 2009 год за 100 и дальше протянул темпы роста за следующие восемь лет. Что тут можно сказать?

Во-первых, Россия, занимая 147-е место из 191 страны, явно не худшая в этом ряду – больше половины Евросоюза “болтается” между отметками 100 и 110, не говоря уже о Венесуэле и Греции. Ливию и Украину вряд ли стоит рассматривать в данном сравнении – цена войны колоссальна и для той, и для другой страны.

Во-вторых, средние темпы роста индийской экономики за эти восемь лет (7,25 %) вплотную приблизились к Китаю (7,94 %), а значит, Индия в результате реформ премьера Моди серьезно разогналась и будет в ближайшую пару десятилетий предъявлять растущий спрос на сырье, что, конечно, хорошо для российской экономики.

В-третьих, и президент Путин, и премьер Медведев в своих выступлениях, говоря о причинах российского экономического кризиса, постоянно говорят о “внешнем факторе”, которого, конечно же, не существует. Помимо России в 2015–2016 годах, т. е. два года подряд, экономический спад зафиксирован в 8 странах (Бразилия, Бурунди, Суринам, Тринидад и Тобаго,

Йемен, Пуэрто-Рико, Макао, Эритрея), на долю которых приходится 2,9 % мирового ВВП по ППС (паритету покупательной способности).

Заметки на ходу, продолжение 2017

Следующий вопрос – а сколько российская экономика недополучила за третий президентский срок Владимира Путина? И можно ли наверстать упущенное?

После глобального финансового кризиса 2007–2009 годов два года (2010–2011) российская экономика росла темпами, превышающими рост мирового ВВП, но начиная с 2012 года ситуация поменялась на противоположную. А в 2015–2016 гг. в России зафиксирована рецессия, хотя вся мировая экономика продолжала набирать темпы роста. На приведенном ниже графике хорошо видно это отставание, которое началось задолго до снижения мировых цен на нефть и введения западных санкций против России.

Если бы российская экономика в 2012–2016 годах росла со скоростью 4 % ежегодно, то в 2016 году российский ВВП был бы на 19 % больше (безо всяких ухищрений со стороны Росстата). А совокупное накопленное отставание – упущенный рост – за эти пять лет составил 43 % от уровня ВВП 2016 года[19]. Вот эти два показателя, на мой взгляд, являются вполне наглядной оценкой стоимости экономической политики Владимира Путина. Политики, в которой отсутствует верховенство права, зато процветают коррупция и кумовство. Политики, в которой парламент не является местом для дискуссий, а любимый вид деятельности правоохранительных органов – кошмарение бизнеса. Политики, в которой нет денег для повышения пенсий и зарплат, но есть деньги на производство никому не нужных танков, на поддержку бандитов на востоке Украины, на посмешивший многих поход “Адмирала Кузнецова” вокруг Европы и на охрану силами ФСО многочисленных резиденций, принадлежащих благотворительным фондам, услугами которых (резиденций) может пользоваться только российский премьер-министр.

Можно ли наверстать упущенное? Теоретически – да. Если предположить, что мировая экономика будет расти со скоростью 3,3–3,5 % ежегодно, то для того, чтобы к 2030 году – то есть к завершению двух президентских циклов (2018-го и 2028-го) – российская экономика смогла это сделать, она должна, начиная с текущего года, ежегодно расти на 0,75%-ных пункта быстрее, т. е. со скоростью 4–4,3 % в год. Но такого оптимизма не видно ни у Минэкономики, ни у группы Кудрина, и даже сам Владимир Путин говорит о том, что опережать мировую экономику возможно лишь к 2020 году.

На днях стали известны первые прикидки прогноза нового министра экономики Максима Орешкина, который решил сразу “взять быка за рога” и выполнить поставленную задачу – в его прогнозе в целевом сценарии (успех которого опирается на набор структурных реформ, перечень которых пока неизвестен даже самому министру; в базовом сценарии – без реформ – российский ВВП растет на 1,5 % ежегодно) в 2020 году российская экономика растет на 3,1 %. (Почему-то в документах Минэкономики говорится, что это и есть опережение мировой экономики, хотя 3,1 % – это ее фактический рост в 2016 году, и основные прогнозы говорят о том, что она еще немного ускорится.)

[19] Глядя из будущего: эта заметка была написана в начале 2017 г. За последующие полтора года практически ничего не изменилось, и экономическая цена президентства Владимира Путина продолжала нарастать. При темпе роста 4 % в год в 2012–2018 гг. к концу 2018 г. ВВП России мог бы быть на 21 % больше.

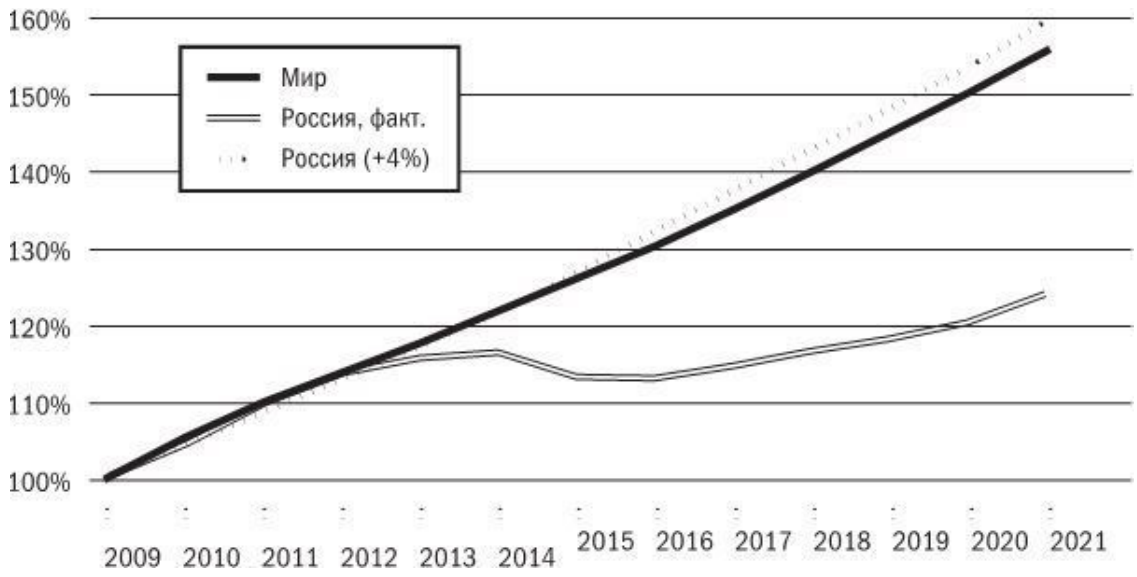

График 2.

Темпы роста экономики России и мировой экономики, 2009–2021 гг. (2009 г. = 100 %)

Примечание. Прогноз роста мировой экономики – МВФ (2018–2019 гг. – 3,7 %, 2020–2021 гг. – 3,6 %). Прогноз роста экономики России – Минэкономразвития, федеральный бюджет на 2019 г. (2019 г. – 1,3 %, 2020 г. – 2,0 %, 2021 г. – 3,1 %).

Источник: Росстат, IMF World Economic Outlook (October 2018).

А до того времени, 2020-го, экономика России будет постепенно разгоняться, что означает – отставание от мировой экономики будет лишь нарастать. Если прогноз Минэкономики будет вещим и на обещанные темпы роста российской экономике удастся выйти, то для достижения той же цели – компенсировать упущенное за последние пять лет – темп роста экономии нашей страны на протяжении следующих десяти лет (2021–2030) должен превышать рост мировой экономики на 1,5 пункта, т. е. расти со скоростью 4,8–5 % в год.

Примерно через полгода, с высокой степенью вероятности, мы узнаем о решении Владимира Путина пойти на очередной президентский срок, после чего услышим набор его предвыборных обещаний и увидим, будут ли там стоять такие амбициозные цели. Или прочитаем между строк банальную фразу: “Кому я должен, тому прощаю”?

Плохой хороший год 2016

Как ни странно это прозвучит, но прошедший 2015 год оказался хорошим для российских властей с точки рения экономики. Хорошим в том плане, что никаких ожидавшихся в конце 2014 года катастроф не произошло, хотя, казалось, для этого были все основания. Да, экономика упала, но всего на 2,8 %; вспомните, в кризис 2008–2009 годов от пика до дна экономика пролетела вниз 10 %. Да, инфляция снова оказалась достаточно высокой (13 %), но с одной стороны, высокой инфляцией в России никого не удивишь, а с другой, во второй половине года темпы роста цен стабилизировались на уровне 0,7–0,8 % в месяц. Да, рубль сильно ослаб, но никаких валютных кризисов образца декабря 2014-го не было, да и за год (1 января к 1 января) рубль ослаб всего на 23 %. Да, падение нефтяных цен подорвало доходную базу бюджета, но в итоге доходы федерального бюджета оказались заметно выше уровня, зафиксированного в первоначальном варианте закона о бюджете. Да, потребление населения упало более чем на 10 %, но это не вызвало массовых протестов и не противопоставило народ власти.

Но, сказав все это, я хочу сразу зафиксировать, что хороший итог года является не результатом деятельности правительства, а потому все негативные тренды, которые сформировались в российской экономике в 2016 году, будут набирать силу, и ни о каком прохождении дна или пика кризиса речи идти не может.

Экономика оказалась устойчивой

Самая большая “загадка” прошедшего года – относительно небольшое падение российской экономики. Год назад многие эксперты говорили о неизбежном 8 %–10%ном падении, строя свои оценки на падении курса рубля, падении импорта, ожиданиях падения инвестиций. Однако ничего похожего не случилось. Почему? Я вижу три причины этого.

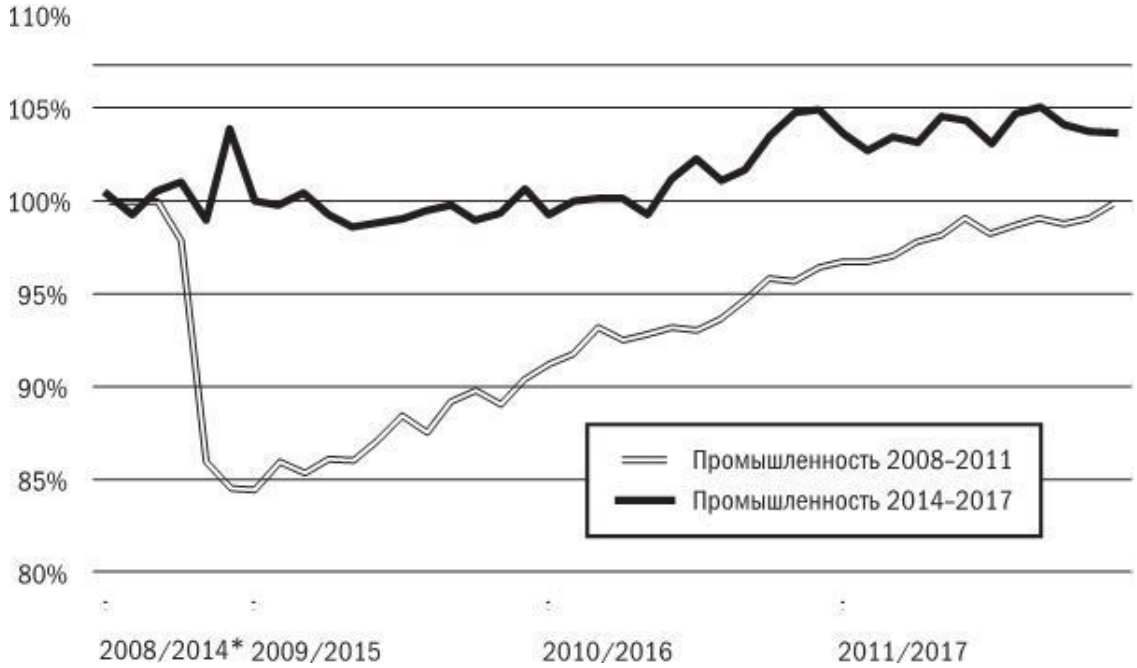

График 3.

Динамика промышленного производства в России в 2008–2012 и 2014–2017 гг. (100 % = июль 2008 г. или июль 2014 г., соответственно)

* Показатели охватывают только второе полугодие 2008 и 2014 гг.

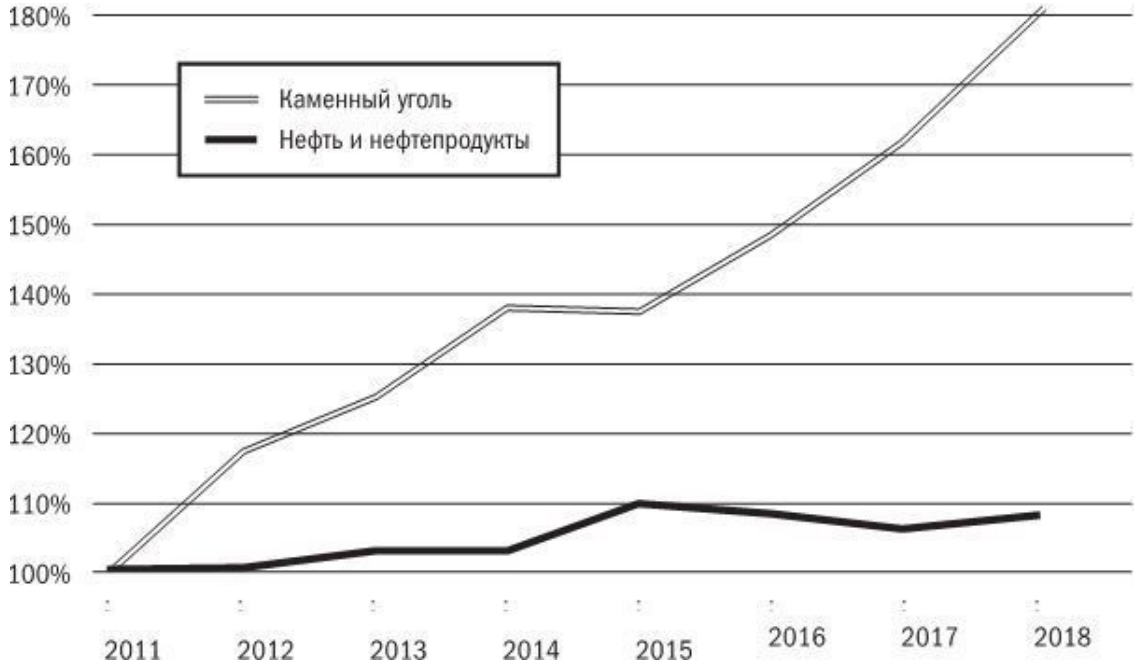

График 4.

Экспорт нефти и нефтепродуктов и угля из Российской Федерации, 2011–2018 гг. (100 % = 2011 г.)[20]

Во-первых, российская экономика строит свое благополучие на производстве и экспорте сырья. А в отличие от 2008/09 годов в этом кризисе Россия оказалась в “гордом одиночестве”: основные потребители российского сырья (Европа, Китай, Средний Восток) пусть и неравномерно, но продолжают расти; следовательно, ни о каком снижении физического спроса на сырье на этот раз (в отличие от ситуации шестилетней давности) речи не шло. Более того, по ключевой для российского экспорта позиции – нефть и нефтепродукты – был продемонстрирован небольшой рост, благодаря этому нефтяники установили новый рекорд по добыче нефти[21]. Стабильность работы российского сырьевого сектора влечет за собой стабильность работы железнодорожного транспорта (более 70 % перевозок – сырье и продукты его переработки; падение на 30 % в конце 2008 года) и системы трубопроводов (которые по вкладу в грузооборот и в ВВП равны железнодорожному транспорту).

[20] Эта заметка была написана по итогам 2015 г., но расходы российского бюджета на финансирование оборонно-промышленного комплекса продолжали расти и в 2016 г.

[21] Глядя из будущего: неожиданно мощным фактором поддержки сырьевого сектора российской промышленности и объема грузовых перевозок по железной дороге стал экспорт угля, который в 2013–2017 гг. вырос почти на 30 % (см. график 1.1.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.